

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**ХРАБРЫЕ
СЛАВНЫ
ВОВЕКИ!**

Сборник
В. Я. Коровина
Храбрые славны вовеки!
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981632
Храбрые славны вовеки! : стихотворения поэтов XVIII—XIX веков о военной доблести русского народа : Детская литература; Москва; 2011
ISBN 978-5-08-004586-8

Аннотация

В книгу вошли стихи поэтов XVIII—XIX веков, воспевающих славу русских воинов, не однажды побеждавших врага, являя чудеса храбрости и превосходя противника умением, сноровкой и упорством.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Храбрые славны вовеки!	4
«Только доблесть бессмертно живет...»[1]	5
Слово о полку Игореве*[3]	13
Михаил Васильевич Ломоносов	15
Ода блаженная памяти государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года*	15
Александр Петрович Сумароков	17
Прости, моя любезная, мой свет, прости...	17
Гаврила Романович Державин	18
На взятие Измаила*	18
Иван Иванович Дмитриев	20
Освобождение Москвы*	20
Николай Михайлович Карамзин	24
К отечеству	24
Иван Андреевич Крылов	25
Волк на псарне	25
Ворона и курица	26
Раздел	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Храбрые славны вовеки!
Стихотворения поэтов XVIII–XIX веков
о военной доблести русского народа

© Коровина В. Я., составление, вступительная статья, комментарии, 1985

© Акулов Г. В., наследники, иллюстрации, 1985

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2011

«Только доблесть бессмертно живет...»¹

*Хвала возвышенным певцам!
Их песни – жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам...*

В. Жуковский

Истинная поэзия всегда была голосом народа, выражала его чувства, мысли и чаяния, оплакивала утраты и воспевала победы. Поэты воодушевлялись славными делами сограждан. И конечно, войны, требовавшие наивысшего напряжения всех народных сил, не оставляли поэзию равнодушной и безучастной к бедам и страданиям народа, к его доблести и мужеству.

Славные страницы описаний исторических битв России во имя защиты Отчизны, мирного труда на земле отцов и дедов открывают нам летописи, «Слово о полку Игореве».

В «Слове...» мы слышим голос прошлых поколений, вместе с участниками сражений сопереживаем их победы и поражения, радуемся отваге Игоря и Всеволода, мудрости Святослава, «изронившего свое золотое слово».

Традиции «Слова о полку Игореве» глубоко восприняты всей русской литературой.

Так, Михаил Васильевич Ломоносов в «Оде... на взятие Хотина 1739 года» славит подвиги русских воинов. В оде нашли отражение государственно-патриотические идеалы поэта, который хотел видеть Россию единой, сильной и монолитной. Победу над грозной турецкой крепостью Хотин поэт объясняет единством духа народа, готовностью каждого не пожалеть своей жизни ради Отчизны:

Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку...

Уверенность в том, что в минуты сурового противостояния, наибольшей опасности для родной земли русский народ готов на беспримерный героизм, передана поэтом в описании кровопролитных боев и жесточайших испытаний в битвах.

Радуясь бегству грозного врага, Ломоносов показывает его страх перед стойкостью, твердостью и доблестью русских воинов. Поэт саркастически вопрошает: «Где ныне похвальба твоя? Где дерзость? где в бою упорство? Где злость на северны края?» Ликование поэта в связи с победой русских войск усиливается ироническим отношением к врагу, удивлявшим ранее похвальбой, злостью, дерзостью, а ныне насмерть испуганного.

Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Бойтся собственного следа.

В конце оды звучит мысль о единении чувств простых людей и поэта. Ломоносов понимает, что вместе с ним и крестьянин, и пастух хвалят солдатскую храбрость русского воинства. Автор оды подчеркивает, что победа необходима для будущего страны, развития ее науки и культуры. Так у Ломоносова рядом с темой войны мощно звучит тема мира.

¹ Статья печатается в сокращении.

Поэтические идеи Ломоносова были подхвачены Гаврилой Романовичем Державиным. Одним из главных героев его поэзии стал прославленный военным искусством А. В. Суворов. В стихотворении «На взятие Измаила» поэт откликается на одно из самых грандиозных по своим масштабам сражений. Подвиги героев подобны, по словам поэта, извержению Везувия и бурному, неостановимому потоку, несущемуся весной с гор в долину. Все сметая на своем пути, герой готов пренебречь личной судьбой, молча принять смерть, но не посрамить Отчизны и сокрушить врага. Броские метафоры, картинные, живописные эпитеты, контрастные сравнения помогают поэту создать образ бесстрашного воинства.

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдыня,
У тех пылает огонь в сердцах...

В час смертельной схватки каждый солдат становится героем.

Державин, переключаясь с Ломоносовым, утверждает, что русскому человеку не свойственно жаждать войн, но он всегда готов встретить решительным отпором любое посягательство на свободу родной земли, и это помогает ему выстоять в борьбе и победить.

Как и Ломоносов, Державин, вдохновляя соотечественников, вспоминает давнопрошедшие времена. Углубляясь в прошлое, он находит там истоки беспримерной храбрости русских людей и воздает им заслуженную дань.

Поэт преклоняется перед русскими воинами, которые не однажды одолевали врага малым числом, являя чудеса храбрости и превосходя противника умением, сноровкой, терпением и упорством. «Нас горсть, – но полк лежит пред нами; нас полк – но с тысячью и тьмами мы низложили город в персть²». Это вызывает восхищение поэта и уверенность, что

...слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет...

Судьба России сложилась так, что ей пришлось не однажды защищать свои границы от захватчиков, посягавших на ее территориальную целостность и свободу.

Особенно мощно патриотическая тема зазвучала в Отечественную войну 1812 года. Русская поэзия отразила важнейшие события этой национальной эпопеи – битвы за Смоленск и при Бородине, пожар Москвы и изгнание Наполеона.

Не было, пожалуй, ни одного поэта, который бы не откликнулся на грозную опасность, нависшую над Родиной. Символом России стала древняя Москва.

Константин Николаевич Батюшков скорбно писал о расхищенном французами городе, о горе людей, о пожарищах («К Дашкову»).

Освобождение Москвы вызвало ликующее стихотворение поэта старшего поколения – Ивана Ивановича Дмитриева, воображение которого нарисовало гордо возвышающуюся на холмах златоглавую столицу. Ее честь восстановлена славными гражданами Отчизны, и в них поэт видит красоту и величие.

Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы...

² Персть – прах, пыль (устар.).

Он вспоминает трудные былые годы, когда народ встал на защиту сердца России – Москвы, как Пожарский отвел от Москвы угрозу.

Везде летает он орлом —
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает...

В его памяти возникает не только образ Пожарского – воина, победителя, мужественного и бесстрашного, – но и честного гражданина:

А ты, герой, пребудешь в веки
Их честью, славой, образцом!

Именно это соединение благородных черт прославленного полководца и доблестного патриота дает право сказать поэту о том, что им будут гордиться будущие поколения и последуют его примеру.

Осветит новый луч вселенну —
И воин, от твоей крови,
Тебя вспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к Отечеству любви!

Во время народного подъема, рожденного желанием защитить Отечество, многогранно раскрылся талант военачальников. Среди них первое место принадлежит М. И. Кутузову, назначение которого в 1812 году на должность главнокомандующего приветствовала вся Россия.

Мудрость, простодушное лукавство Кутузова-полководца, любимца солдат, своеобразно отразились в произведениях Ивана Андреевича Крылова.

Так, басня «Волк на псарне», связанная с реальными событиями, обошла всю русскую армию и была встречена ею с восторгом. Наполеон, как известно, предчувствуя поражение, запросил мира, но встретил отказ Кутузова. В басне лицемерию хищника-врага противопоставлена спокойная уверенность старого ловчего, легко распознающего хитрость волка.

Не менее язвительна басня «Ворона и Курица», осуждающая тех, кто думал остаться в стороне от великой борьбы за освобождение Родины. Они, как пророчески предсказывал баснописец, не только поступаются своим добрым именем, но и рискуют жизнью, которую не пощадит неприятель-захватчик.

В грозных событиях 1812 года раскрылась душа русского человека. Каждый патриот воспринял их исключительно лично. Тема защиты Отечества зазвучала как глубоко внутренняя, затрагивающая каждого гражданина. Именно так воспринял Отечественную войну 1812 года Василий Андреевич Жуковский. В стихотворении «Певец во стане русских воинов» одические интонации совмещаются с элегическими. В них открываются сокровенные признания человека, переживания которого преисполнены национальной гордостью. Сам певец находится среди воинов, и ему близки и дороги настроения, ведущие в бой офицеров и солдат. Вдохновляя и ободряя воинов, он прозорливо и мужественно утверждает:

Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —

Так скажут внукам деды...

Не только Жуковский, но и другие поэты в годы тяжелых испытаний становились воинами армии или народных ополчений. В стихотворении «Переход через Рейн. 1814» Константин Николаевич Батюшков писал об освободительной миссии русского солдата. Прогнав врага со своей земли, «сыны снегов» одновременно дарят независимость другим народам, например народам, населяющим рейнские берега.

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и громами!..

Среди поэтов, особенно отличившихся в Отечественной войне, выделяется Денис Васильевич Давыдов.

Профессиональный воин, один из создателей партизанского движения, Давыдов поэтически передал лучшие свойства русского национального характера: широту, удаль, беспримерную храбрость, сметку и решительность. Хотя он не считал себя поэтом («Я не поэт, я – партизан, казак. Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...»), но отразил в лирике психологически конкретную личность воина-патриота, всей душой преданного своей Родине. Он и сам был необыкновенным человеком. Молодежь тянулась к нему, стремилась подражать, а поэты и художники еще при жизни Давыдова воздавали ему заслуженную хвалу. Пушкин называл его «своим отцом и командиром», «певцом и героем», первым поэтом среди военных и первым военным среди поэтов. Баратынский величал Давыдова «певцом-наездником, именем которого справедливо гордятся поэты и воины»,

Грибоедов утверждал, что в Петербурге «нет этакой буйной и умной головы...». Его слава перешагнула пределы России: о нем в сочинении о Наполеоне, как о легендарном черном капитане, подвиги которого «вполне достойны удивления», писал известный английский романист Вальтер Скотт.

После войны 1812 года расцветает поэзия декабристов. Можно сказать, что Отечественная война стала ее истоком, как и прародительницей декабристской идеологии в целом. Одно из значительных мест в ранней лирике декабристов принадлежит Федору Николаевичу Глинке. Его творческий путь начался задолго до начала войны, но во время и после нее дарование поэта окрепло. Глинка вступил в ряды русской армии в 1812 году, когда неприятель приблизился к Смоленску, затем сражался на полях Бородина, проделал с русскими войсками и весь путь освобождения России от неприятеля. Его дневники были впоследствии опубликованы («Письма русского офицера») и принесли автору широкую известность. Отечественной войне поэт посвятил военно-патриотические гимны, песни, проникнутые торжественным гражданским пафосом.

Глинка изображал войну 1812 года как войну народную. Национально-освободительный порыв помог поэту понять, что народ явился главной движущей силой всего исторического момента. Так, «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии» передает возмущение народа, которому грозит враг «рабством и ярмом», мечом и пламенем. Призыв поэта сомкнуться «в ратном строе» звучит присягой, клятвой.

Друзьям, Отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях! <...>
И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю

Престанет кровью обагрять!

Военно-патриотические песни Глинки воссоздают многие важнейшие моменты Отечественной войны 1812 года. Поэт признается в одном из примечаний, что он свои военно-патриотические песни «старался приспособить к любимым песням народным».

Презрение к врагу и гражданская доблесть – высокие свойства передового человека – воспеты в поэзии Кондратия Федоровича Рылеева. Рылеевским думам присущ тот же пафос гражданственности, подлинного патриотизма, протеста против гнета, рабства, что и всем произведениям декабристов. Одна из его дум, «Димитрий Донской», пронизана свободолюбивыми мотивами.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу...
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов...»

Поэт стремится передать исторические события правдиво, достоверно. Изображая в думах характеры Ивана Сусанина, Димитрия Донского, он хочет пробудить в молодежи высокие гражданские и патриотические чувства.

Особая роль в ряду произведений поэтов, посвятивших свое перо и батальной теме, принадлежит Александру Сергеевичу Пушкину. Еще юношей вместе с другими лицеистами он горел желанием сражаться за честь Отчизны. Напряженно следил он за продвижением войск Наполеона в глубь России, слушал рассказы о Бородинской битве, горевал о пожаре Москвы. Искренние и пламенные порывы, воодушевлявшие Пушкина, отразились в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном в 1814 году и прочитанном на публичном лицейском экзамене в январе 1815 года в присутствии Державина. Вспоминая об исторических битвах и победоносных полководцах – Орлове, Румянцеве, Суворове, поэт рисует картину бедствий, разрушений, которые принесла с собой война с Наполеоном.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И сёла мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Поэт сокрушается, что не может отомстить врагу за московский пожар.

И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Пушкин решительно противопоставляет силу национального единства вражескому напору.

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,

Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Подхватывая традиции русской поэзии XVIII века, юный Пушкин гордится причастностью к великим историческим событиям, влияющим на ход современной ему жизни и его собственную судьбу. Чувство национальной гордости, которое он пережил в годы отрочества, поэт сохранил в дальнейшем и пронес через всю жизнь. Многие стихотворения Пушкина и его роман «Евгений Онегин» полны отзвуками грозных событий 1812 года.

Народный подвиг осветил все творчество Пушкина и решительно повлиял на художественное освещение разных моментов отечественной истории. В 1828 году он написал поэму «Полтава», в которой воспел победу молодой крепнущей страны, уверенно пробившей себе дорогу в Европу, освободив исконно принадлежавшие ей земли, захваченные Швецией. Боевой порыв, нравственная справедливость исторических деяний открылись поэту под прямым воздействием народной войны 1812 года.

Поэт-реалист то обозревает полтавскую баталию с высокого командного холма, откуда ему видится движение больших групп войск, то неожиданно оказывается в самой гуще боя, вблизи от солдат. Такая смена зрительных планов придает масштабность его описанию и создает эффект личного присутствия. Можно с полным правом сказать: Пушкин заложил новые принципы описания батальных сцен, которыми не преминут воспользоваться другие писатели. Динамичность и емкость картины сражения не в последнюю очередь зависели и от внимания Пушкина к жестам, позам, мимике героев, которые передавали напряженность битвы и одновременно реальные переживания главных его участников.

Важную поэтическую страницу в книгу о воинском подвиге вписал Михаил Юрьевич Лермонтов. К двадцатилетию Отечественной войны 1812 года появилось его стихотворение «Два великана». Лаконично и отчетливо звучит в стихотворении осуждение «трехнедельного удальца», пришедшего с «грозою военной». Закономерно и быстрое поражение «удальца»: «Ахнул дерзкий – и упал!» Новым этапом в осмыслении событий войны и в изображении батальной темы стало знаменитое «Бородино». Лермонтов рассказал о народной войне как бы устами солдата-артиллериста, рядового участника Бородинского сражения. Солдат у Лермонтова не только смел, отважен, наделен смекалкой, деловит, но и чувствует на себе громадную ответственность за судьбу Москвы и Родины. Он готов вынести на своих плечах всю тяжесть борьбы с врагом, потому что им движут не отвлеченные и внушенные командирами понятия, а пламенные патриотические чувства, вошедшие в его плоть и кровь.

В стихотворении оживает выдающееся по своему масштабу сражение, в котором усилия солдат и командиров слились в единомысленном порыве победить врага. Вот почему так убедительно звучат и слова солдата:

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!

и слова полковника:

«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»

И наконец, общий голос возвещает:

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Стихотворением «Бородино» Лермонтов положил начало отображению войны с точки зрения ее как бы непосредственного и рядового участника. Героизм и патриотизм вытекали из эпического взгляда поэта на решающие исторические события, главным двигателем которых был народ.

Русские поэты следующих за Пушкиным и Лермонтовым поколений считали своим долгом и гражданской обязанностью воспевать ратные дела боровшихся за Отчизну и помогавших братским народам героев.

Афанасий Афанасьевич Фет склоняется перед священным прахом павших за Родину воинов, слава которых вечна и чиста («Севастопольское братское кладбище»). Аполлон Николаевич Майков в стихотворении «Сказание о 1812 году» подчеркивает мысль о том, что в минуты роковой опасности на защиту Отечества встает весь русский народ. Алексей Николаевич Апухтин в «Солдатской песне о Севастополе», вспоминая о былых сражениях – Бородинском и Очаковском, – убежден в том, что угроза военных лихолетий не испугает русских перед лицом нового врага и смертельной опасности.

И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали! <...>
Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Тема помощи братскому народу поднимается в стихотворении Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова «Плевна». Битва под Плевной оставила памятники мужеству русских воинов на землях Болгарии и России. Поэт, потомок великого полководца, продолжает мысли своих знаменитых предшественников поэтов: Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова.

Стряслась беда – снесем беду!
Сыны великого народа,
Мы в нашу веруем звезду...

Размышляя над самоотверженностью русского народа, поэт рядом с мужчиной-солдатом видит женщину, близко воспринявшую боль, «увечья, раны, смерть» своих соотечественников и воинов дружественной братской страны. Не требуя славы, награды, все свои силы, ум и сердце добровольно отдает сестра милосердия раненым на поле боя (стихотворение «Родная»).

Самоотверженность героев, идущих на штурм Хотина и Измаила, одержавших победу в разные времена истории нашей Родины на поле Бородина и на Куликовом поле, проходит через сердца русских поэтов разных поколений. Горестно вспоминает страницы исторических битв Александр Александрович Блок в стихотворении «На поле Куликовом»:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь! <...>

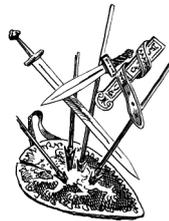
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Но одновременно прошлое становится для него и прозрением настоящего, и предвидением будущего. В Куликовской битве он видит поворотный момент русской истории и осмысливает ее на фоне предстоящих социальных битв.

Русская батальная поэзия XVIII и XIX веков вписала золотые страницы в историю народа.

Заветы, доставшиеся нам от прошлых поколений, – бороться за мир, а в минуты смертельной опасности быть достойным своей великой Родины, – воплощены в современной отечественной поэзии.

В. Я. Коровина

Слово о полку Игореве*³ (Перевод В. А. Жуковского)

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!⁴
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои на живые струны вкладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь возрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дасться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона».
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, – он рек, – преломить копьё
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову

³ Произведения, помеченные знаком *, печатаются в сокращении.

⁴ В конце книги помещены комментарии и словарь мифологических имен и названий, устаревших и трудных слов.

Или испить шеломом Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропюю Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода...

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

Ода блаженныя памяти государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года*

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит Отчества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,

Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом...

О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы...

Козацких поль, заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет, где друг
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает...

Александр Петрович Сумароков (1717–1777)

Прости, моя любезная, мой свет, прости...

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, – иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слёз.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не знав, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

Гаврила Романович Державин (1743–1816)

На взятие Измаила*

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!..

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспрещает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут, — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними — дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,

Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами —
Они молчат – идут вперед...

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, —
Но чем герои уstraшенны?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну, —
Всяк Курций, Деций, Буароз!..

А слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленье
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь полетит,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837)

Освобождение Москвы*

Примите, древние дубравы,
Под тень свою питомца муз!
Не шумны петь хочу забавы,
Не сладости цитерских уз;
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву,
Седящу на холмах высоких,
И спящи веки воззову!

В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока —
Отвсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А девы – розами цветут!

Но некогда и ты стенала
Под бременем различных зол...
Сармат простер к тебе длань друга
И остро копие вознес!
Вознес – и храмы воспьлали,
На девах цепи зазвучали,
И кровь их братьев потекла!
«Я гибну, гибну! – ты рекла,
Вращая уstraшенно око. —
Спасай меня, о гений мой!»
Увы! молчанье вкруг глубоко,
И меч, висящий над главой!

Где ты, славянов храбрых сила!
Проснись, восстань, Российска мочь!
Москва в плену, Москва уныла,
Как мрачная осенняя ночь, —

Восстала! всё восколебалось!
И князь, и ратай, стар и млад —
Всё в крепку броню ополчалось!
Перуном возблистал булат!
Но кто из тысяч видим мною,
В сединах бодр и сановит?
Он должен быть вождем, главою:
Пожарский то, России щит!
Восторг, восторг я ощущаю!
Пылаю духом и лечу!
Где лира? Смело начинаю!
Я подвиг предка петь хочу!

Уже гремят в полях кольчуги;
Далече пыль встает столбом;
Идут России верны слуги;
Несет их вождь, Пожарский, гром!
От кликов рати воют рощи,
Дремавши в мертвой тишине;
Светило дня и звезды ночи
Героя видят на коне;
Летит – и взором луч отрады
В сердца унывшие лиет;
Летит, как вихрь, и движет грады
И веси за собою вслед!

«Откуда шум?» – приникши ухом,
Рек воин, в думу погружен.
Взглянул – и, бледен, с робким духом
Бросается с кремлевских стен.
«К щитам! К щитам! – зовет сармата. —
Погибель нам минуты трата!
Я видел войско супостат:
Как змий, хребет свой изгибает,
Главой уже коснулось врат;
Хвостом всё поле покрывает».
Вдруг стогны ратными сперлись —
Мянутся, строятся, делятся,
У врат, бойниц, вокруг стен толпятся;
Другие вихрем понеслись
Славянам и громам навстречу.

И се – зрю зарево кругом,
В дыму и в пламе страшну сечу!
Со звоном сшибся щит с щитом —
И разом сильного не стало!
Ядро во мраке зажужжало,
И целый ряд бесстрашных пал!
Там вождь добычею Эреве;

Здесь бурный конь, с копьём во чреве,
Вскочивши на дыбы, заржал
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду треск и громы внемлю,
Глушащи скрежет, стон и вой...

Трикраты день воссиявал,
Трикраты ночь его сменяла;
Но бой еще не преставал
И смерть руки не утомляла...
Сторукий исполин трясется —
Падет – издох! И вопль несется:
«Ура! Пожарский победил!»
И в граде отдалось стократно:
«Ура! Москву Пожарский спас!»

О, утро памятно, приятно!
О, вечно незабвенный час!
Кто даст мне кисть животворящу,
Да радость напишу, горящу
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой изречу чертою
Народ, воскресший на стенах,
На кровах, и с высот к герою
Венки летящи на главу...

А ты, герой, пребудешь в веки
Их честью, славой, образцом!
Где горы небо прут челом,
Там шумные помчатся реки;
Из блат дремучий выйдет лес;
В степях возникнут вертограды;
Родятся и исчезнут грады;
Натура новых тьму чудес
Откроет взору изумленну;

Осветит новый луч вселенну —
И воин, от твоей крови,
Тебя вспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к Отечеству любви!

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

К отечеству

Цвети, Отечество святое,
Сынам любезное, драгое!
Мы все боготворим тебя
И в жертву принести себя
Для пользы твоея готовы.
Ах! смерть ничто, когда оковы
И стыд грозят твоим сынам!
Так древле Кодры умирали,
Так Леониды погибали
В пример героям и друзьям.
Союз родства и узы крови
Не так священны для сердец,
Как свят закон твоей любви.
Оставит милых чад отец,
И сын родителя забудет,
Спеша Отечеству служить;
Умрет он, но потомство будет
Героя полубогом чтить!

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом. —
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами шелкая и оцетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья, к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры:
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Ворона и курица

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.
—
Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона, в суп!

Раздел

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, —
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «Ступайте,
А счета после мы сведем!» —
«Мне только тысячу мою сперва добавьте, —
Шумит другой, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.